

Возрождение платонизма из практики систематики

С. Ф. Васильев
канд. филос. наук, доцент АлтГТУ

В наше время, отличающееся философской бескрылостью, следует приветствовать любое возрождение интереса к философии, тем более, исходящее от представителей естествознания, казалось бы, наиболее склонных к генерированию позитивистских настроений. Речь идет о ряде статей Л. Н. Васильевой, в особенности, о её статье «Путь к Платону». В этой работе ученый-биолог, исходя из своей практики классифицирования, приходит к выводу о плодотворности платонизма и необходимости использования его в работе систематика. Автор считает, что систематика (наука биологической классификации) – наиболее философская область биологии, а теория идей Платона – корень, источник, ядро классификации.

Не часто в наше время так воспаряют мыслью от «сохи» конкретного научного исследования к высотам философской абстракции. Ценно то, что это возвышение к платонизму идет не от божественного вдохновения, а от опыта практической работы по классификации живых организмов, что, конечно, более убедительно с точки зрения современности, доверяющей более всего именно науке. Интерес к платонизму, особенно к его теории идей, возник у автора при попытке осмысления основ классификационной работы, как своего рода методологическое самосознание систематика. Это обуславливает как сильные стороны взглядов автора, так и некоторые ограниченности и спорные утверждения при интерпретации взглядов Платона.

Л. Н. Васильева приходит к выводу, что центральными систематическими понятиями являются понятие признака, понятие типа таксона, понятие веса признака. Важнейшие процедуры систематики, по ее мнению, это - взвешивание (или оценка) признаков или координация ранга. Признак есть не просто свойство организма, а то, что выявляется в сравнении с другими организмами. Признак объединяет альтернативные свойства (состояния признака). Например, признак «цвет глаз» имеет состояния «голубой», «карий» и т. п. Это свойство признака Л. Н. Васильева отождествляет с таким свойством платоновской идеи как «единство во множестве». Признаки образуют иерархию, обладая различным весом. Признак входит в иерархический тип. Иерархический тип будет вести себя как *идея*, вмещающая всю полноту разнообразия состояний, тогда как типы отдельных таксонов будут

«несовершенным» (неполным) воплощением этой *идеи*. «Несовершенство» конкретных типов и состояний по отношению к своей *идее* (иерархическому типу или признакам) нужно понимать именно как невозможность полноты, так как, допустим, лировидный или копьевидный лист не менее совершенны в своей красоте, чем какая-то «форма листа вообще» (каковой и нет как отдельной «вещи», но есть как совокупность состояний и как *различие* в форме листа). Другими словами, частные воплощения *идей* - вовсе не «копии» самих *идей* и не «копии» друг друга, тем более им незачем «стремиться» к какому-то «идеалу» (они самодостаточны в своем разнообразии), да и нет никакого «идеального» состояния (хотя, конечно, есть состояния «примитивные» и «продвинутые»)».¹

Таким образом, исходя из практики систематики автор характеризует идеи как отличия вещей на разных уровнях иерархии. Идеи *не менее реальны*, чем сами вещи, и к тому же сочетают в себе не только *единство и разнообразие*, но также *постоянство* (одна и та же идея) и *внутреннюю подвижность* (разворачивание возможных состояний). Нам представляется, что такую подвижность правильнее назвать внешней, ибо разворачивание идет в мире чувственных вещей, а не внутри самой идеи. Идея – это единство противоположностей, альтернативных состояний, которая существует в чувственном мире только в размноженном виде.

Исходя из такой интерпретации Л. Н. Васильева смело утверждает, что: «Платон не удваивал действительный мир: его «гипостазированные» идеи, хотя *в совокупности* они состоят из *всех признаков* вещей, то есть как будто из всех «вещей» разом (и не только чувственных), представляют совершенно самобытный мир, поскольку идеи как бы «пронизывают» мир вещей, это мир отношений (на разных уровнях) *между* вещами, и различие между двумя вещами, разумеется, совсем не то, что две эти вещи целиком и каждая в отдельности. Другими словами, теория идей дополняет (не удваивает!) чувственный мир миром не менее реальных связей, которые имеют совершенно особую структуру (например, видовые и родовые отличия в иерархии признаков могут совсем не совпадать с «иерархией» свойств внутри вещей)».²

Автор не желает согласиться с тем, что Платон отрицал существование чувственного мира. Он считает, что Платон *не* отрицал существование материального мира, хотя совершенно очевидно, что за миром видимых явлений скрываются связи и отношения, которые можно понять только разумом, а не чувствами. И сказать, что мир, по-

стигаемый только чувствами, - это часть более обширного мира, который мы еще не познали, - это не значит отрицать чувственный мир.

При обсуждении вопроса о том, существуют ли идеи гипостазировано или имманентно присутствуют в вещах чувственного мира Л. Н. Васильева склоняется ко второму варианту решения. Конечно, для биолога-систематика оно более приемлемо, иначе пропадает вся методология, базирующаяся на платонизме. Идеи нужны для классификационной работы, поэтому они должны проявляться в вещах.

Однако сама Л. Н. Васильева отмечает интересный факт: «Гораздо интереснее вопрос об конкретных воплощениях *идей* (комбинациях состояний), являющихся *типами* отдельных таксонов каждого уровня: здесь можно видеть поразительную двойственность. С одной стороны, мы можем иметь тип *без* того, чтобы найти его представителей, например, в прогнозе или тогда, когда все члены таксона вымерли («утекла вода из реки»), но соответствующая комбинация состояний *дедуцируется* из общего сравнения отличий. С другой стороны, если бы не было конкретного материала, из которого - путем сравнения - можно вывести «гипостазированную» комбинацию, она бы тоже не существовала, то есть *идеи* отдельно от вещей не существуют, а если существуют, то только как бы увязанные другими, «поддержанными» вещами».³

С нашей точки зрения, если мы можем иметь тип без чувственного существования его представителей, то разве это не говорит о том, что тип (идея) обладает *самостоятельным* бытием по отношению к чувственным вещам? Но это только в том случае, когда тип существует *объективно, независимо от нашего сознания*. Как раз возможность успешного прогноза на основании познания типа доказывает, на наш взгляд, *объективную реальность* типа. Так же как нахождение химических элементов предсказанных периодической системой химических элементов Д. И. Менделеева является лучшим свидетельством объективности периодического закона.

Во второй части приведенного высказывания Л. Н. Васильева смешивает, по нашему мнению, вопрос о реальности типа и вопрос о его познании. Тем самым она совершает ту же ошибку, за которую критиковала А. Ф. Лосева, а именно смешивает само учение об идеях и учение о том, каким образом они познаются. Если буквально принять утверждение автора, то тип возникает именно в ходе работы систематика, а не существует до этой работы и независимо от нее. Систематик предстает в таком случае как всемогущий demiurge систематического разнообразия действительности, что, конечно, неверно. А если тип не

возникает при работе систематика, а *обнаруживается* ею, то, стало быть, он существует и *до* конкретных вещей, и не «обязан» существовать исключительно *в них*.

Представляется, что автор некритически принял саму постановку вопроса о гипостазированном существовании идей: или гипостазирование идей, или имманентное их присутствие в вещах. А может быть, и то, и другое? А, может быть, идеи существуют и вне вещей, и внутри вещей? Разве это невозможно? А. Ф. Лосев считал, например, что: «для Платона нет формалистического и изолированного «да» или «нет» и у него идея и вещь и находятся одна в другой, и не находятся».⁴

Посмотрим, что значит существовать *только внутри* вещей, а не вне их. Сам автор утверждает, что тип существует именно в *совокупности вещей*, в группе. Можно ли его локализовать в пространстве и времени? Вряд ли. А ведь всякая вещь локализована. Получается, что в локализованной вещи пребывает нечто нелокализованное, то, что существует и за пределами *данной* вещи. Как может идея как полнота альтернатив «поместиться» в отдельной вещи, которая заведомо есть *частичное* проявление типа, идеи?

Что касается самой совокупности, то это довольно загадочная вещь. В своё время механисты считали, что коллектива как особой реальности нет, он полностью сводится к отдельным элементам, то есть именно к сумме отдельных чувственных вещей. Ещё сложнее вопрос о совокупности таксономической, классификационной. Члены этой совокупности не обязательно взаимодействуют между собой, но, тем не менее, являются членами именно *этой* совокупности.

Эта совокупность существует постольку, поскольку имеет внутреннее *единство*. Но от *чего* же производно это единство? От того, что все члены совокупности есть воплощения одного и того же типа или идеи. Таким образом, само существование совокупности зависит от идеи и идея *не может не предшествовать* появлению совокупности. А если единство группы производно от единства идеи, то идея и внутренне должна быть единой. Поэтому она не может быть просто совокупностью признаков, а есть *носитель* признаков, объединяющий их. Почему же такой носитель нельзя назвать субстанцией, не материальной, а идеальной? Тип или идея есть нечто полное, вечное, в самом себе неизменное. Разве это не характеристика истинного бытия в противовес неистинному изменчивому чувственному бытию?

Если тип – *система* отношений между таксонами, и без чувственного существования представителей этих таксонов существовать не

может, то все эти таксоны должны обязательно возникать одновременно. Но это маловероятно и фактически не обязательно.

А если идеи могут существовать *вне и без* вещей, тогда ставится под сомнение трактовка их просто как систем различий, как сети отношений. Если идеи есть, а вещей нет, то как же они будут отношениями? Ведь отношения есть отношения между относящимися, к каковому в данном случае, относятся вещи. Но вещей нет, тогда как же можно говорить об отношениях? Правильнее, по нашему и, сказать, что идеи – это особый тип бытия, который *может проявляться* в отношениях между единичными вещами. Идеи – это *образцы* вещей. Изучение проявлений этих образцов, и восхождение от них к самой идее, иерархии типов и есть работа систематика.

Л. Н. Васильева замечает: «Гипостазированный существование идей в мире групп почти не бывает (только в прогнозе ненайденных комбинаций)». ⁵ Это «почти» выглядит несколько комично. Тут уж надо решить однозначно: бывает гипостазированное существование идей или нет? «Почти» – это уход от вопроса. Признание существования особого мира идей не мешает классификационной работе, ведь по Платону вещи чувственного мира существуют благодаря *причастности идеям*.

Примечательно, что М. Лифшиц дальше всех марксистов продвинувшийся в признании объективности идеального проявляет в связи с этим вопросом явный интерес к таксономии: «Формы и отношения материальных вещей, которые человек берет за основу своей трудовой деятельности, сами по себе не вещество, а некоторые пределы того, что дают нам наши чувственные восприятия в опыте. Но эти пределы реальны, принадлежат объективной реальности, и наше сознание или воля не могут их сдвинуть с места по произволу. Такими пределами является идеальный газ, идеальный кристалл – реальные абстракции, к которым можно приближаться также, как приближается к окружности многоугольник с бесконечно растущим числом сторон. Вся структура вселенной, не только геометрическая, но и всякая иная, опирается на нормы или образцы, достигнуть которых можно только через бесконечное приближение. Бесконечность, как таковую, никто не видел, не слышал и не обонял, однако без ее реального присутствия не обходится наше сознание даже на уровне чувственных качеств. Если в элементарной природе норма может казаться конструкцией нашего интеллекта, то в более конкретных областях, как биология, всеобщие нормы более тесно смыкаются с особенными видами существования. Этот момент и хотят выразить понятием таксономии». ⁶

В другой своей работе он пишет: «В идеалистической терминологии всех веков этот отчеканенный жизнью тип превращается в объективную, независимо от человеческой головы существующую идею. Найдет ли со временем философский материализм какое-нибудь общее понятие, подобно тому как современное естествознание пользуется для обозначения своих семейств, видов, разновидностей понятиями «таксонометрическая категория», или «таксон», я не знаю, но что такой термин имел бы соответствующую ему реальность, в этом сомневаться нечего. По поводу открытия клетки Энгельс писал Марксу 14 июля 1858 года: «Клетка есть гегелевское в-себе-бытие и в своем развитии проходит именно гегелевский процесс, пока из нее, наконец, не развивается «идея», данный заверченный организм». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 276.) Известный современный физик Гейзенберг сказал однажды, что ген - это идея. В самом деле, если вдуматься в понятие генетической программы, которая реализуется материальными биохимическими механизмами, вплоть до того, что существует даже программа болезней старения, то перед нами будет именно та командная роль морфеи, формы, программы, которая играет, как мы теперь знаем, столь важную роль в развитии материальной природы, хотя и не является ее последним словом.⁷

М. Лифшиц приводит массу примеров существования идеального. Однако решающий шаг, сознательный переход к идеализму он не делает. Он пытается избежать этого шага, относя идеальное к отношениям: «По словам Маркса, философы называли идеей отношение. Действительно, кроме материи как субстрата окружающего нас материального мира, есть еще необъятное многообразие всевозможных отношений, форм, структурных связей, которыми живет материя, которые, по существу, материальны, но не являются веществом. Глубокой, хотя исторически объяснимой ошибкой идеализма, которую разделяет и Гегель, является убеждение в том, что материя не может быть целым, что материализм как философия поэтому невозможен, что истинной полнотой бытия, источником жизни является только дух, идея. Это не так, но сама по себе «идея» - это не глупость, а одностороннее изображение бесконечности отношений, завивающихся вокруг материального ядра природы. В переводе на язык материализма гегелевская идея - это строгая система отношений определенной относительно законченной объективной ситуации. Согласно Гегелю, она имеет свой генетический код, свою программу в понятии. Близость же Гегеля к материализму состоит в том, что эта программа существует только в самой реальности. Если бы он сказал, что все в мире укладывается в определенные

узлы отношений, повторяясь до определенного, ясно отчеканенного самой жизнью типа и приобретая при этом известную автономию данного круга явлений, он был бы материалистом. Я не знаю, примет ли марксистская литература со временем определенную систему терминов, обозначающих то реальное содержание, которое Гегель как идеалист называет идеей, объективным понятием и его воплощением, переходом в плоть и кровь».⁸

Но если говорить о соответствии вещи своему понятию, то тогда надо признать особую реальность этого понятия. Разве оно само по себе имеет чувственное бытие? Почему же мы должны квалифицировать эту реальность как материальную? Признак объективности здесь недостаточен, поскольку и Платон, и Гегель утверждали объективность идей. М. Лифшиц, как и Л. Н. Васильева видит в идеях отношения, систему отношений данного круга явлений. Он забывает, что идея *конституирует* сам этот круг явлений, и без нее он не выделялся бы из других сфер реальности. А как может система отношений *программировать* развитие вещи? Для этого система отношений должна «знать» будущее, причем *должное* будущее.

Опираясь на суждения М. Лифшица можно попробовать решить вопрос о совершенстве идеи, вызывающий такое неодобрение Л. Н. Васильевой. М. Лифшиц подчеркивает момент долженствования в систематике. «Все явления окружающего нас мира могут, повторяясь, приобрести род относительной автономии, или, как говорил Гегель, равенства своему понятию. В современной биологии и некоторых других науках широко применяется таксономический принцип, состоящий по существу именно в том, что определенный вид, разновидность, подвид, популяция, штамм признается чем-то соответствующим определенной норме, то есть своему понятию».⁹

В другом месте он поясняет более конкретно: «А что природа расположена к известным предельным формам, подтверждается опытом современной науки, которая, даже не помня о некогда бывших Платоне и Аристотеле и не употребляя таких страшных слов, как «совершенство», *perfectio* средневековой мысли, отдает дань «идеальному» при каждой классификации родов и видов. Совершенно безразлично назвать что-нибудь законченным в своем роде, «совершенным», *teleion* Аристотеля, или назвать это негибридным, недефектным примером определенной «таксономической категории». Для того, чтобы эта категория не была эмпирической абстракцией, не имеющей подлинной всеобщности, любой науке, будь это ботаника, зоология или лингвистика, все равно необходимо иметь в каждом типе свой образец,

эквивалентную форму, реальную «парадигму», с которой можно было бы сравнить всех претендентов на определенную «таксономическую категорию», точнее говоря, определить ее на основании саморазвития данного вида». ¹⁰ В подтверждение мнения М. Лифшица можно привести цитаты из работ признанного методолога систематики Э. Майра. Он отмечает, что систематик должен учитывать значительную изменчивость внутри видов и поэтому должен собирать статистически адекватные выборки. Получается, что реальные особи, включенные в вид могут отклоняться от нормы вида, образца вида. Э. Майр считает, что в классификации таксонов следует рассматривать всю совокупность признаков в качестве единого интегрированного пространства. В таком случае может получиться, что не все индивидуумы, и не все таксономические группы обладают всеми признаками вышестоящей таксономической группы: «благодаря этому новому подходу мы можем определять таксоны политетически, не беспокоясь о том, что иногда какой-то вид не имеет некоторых из диагностических признаков того высшего таксона, к которому он принадлежит, или отдельная особь не имеет диагностических признаков своего вида». ¹¹

В этой же связи, касаясь высказываний Линнея и Уэвелла, утверждающих, что род определяет признаки, а не наоборот, А. А. Любищев замечает: «Между тем выражения Линнея и Уэвелла настолько общи, что совместимы с любой онтологией и выражают просто индуктивный вывод, что в попытке дать точную характеристику естественной группы мы чрезвычайно часто, если не всегда, наталкиваемся на исключения». ¹² Далее А. А. Любищев поясняет, что Уэвелл в качестве типа берет образец из класса, например, вид из данного рода, который рассматривает как преимущественно обладающий характером класса. Все виды, представляющие большее сродство с этим типическим видом, чем со всяким другим, образуют род и сосредотачиваются вокруг этого типа, отходя от него в различных направлениях и в различной степени

Мы видим, таким образом, что тип выступает как образец, норма, которая нередко окружена различными отклонениями, аномалиями, иными словами, «несовершенствами». По отношению к ним тип можно рассматривать как нечто совершенное.

И совершенство идеи, типа не означает обязательно эстетическое или этическое совершенство. В. Татаркевич отмечает, что следует различать понятие совершенства как того, что завершено, доведено до конца и поэтому полно от обыденного понимания совершенства как наилучшего. ¹³ Если тип содержит в себе все признаки своих подтипов,

то он полон, а они частичны. В этом смысле он совершенен, а они нет. Это не значит, что он прекраснее их или добрее.

Методологическая заостренность философских интересов Л. Н. Васильевой сыграл с ней, по нашему мнению, злую шутку. Привычка концентрироваться на узких интересах своей профессии мешает более широко взглянуть на проблему и принуждает ее отвергать общепринятую и веками утвердившуюся традицию интерпретации теории идей Платона. Раз систематика интересует порядок многообразия, система различий, и для этого необходимо понятие идеи, то идея непременно должна проявляться в чувственных вещах. Отсюда понятно стремление отвергать гипостазированное существование идей, дуализм Платона, совершенство идеального мира по сравнению с чувственным. Особенно автор не согласен с характеристикой чувственного мира как искаженного идеального, а также с его отрицанием

Признание нашего мира как искаженного, по сравнению с идеальным, не есть препятствие познанию. А. А. Любичев пишет: «Возникло новое, специфически платоновское учение об идеях – совершенном идеальном мире, слабым и искаженным изображением которого является наш реальный мир. Но так как он все-таки является отражением, вернее, тенью идеального мира, то тщательное наблюдение реального мира может нам открыть и законы мира идеального».¹⁴

Вопреки мнению Л. Н. Васильевой знаменитый образ пещеры тесно связан с теорией идей. В конце рассказа о пещере Сократ явно противопоставляет два мира – чувственный и сверхчувственный. В диалоге «Тимей» Платон поясняет свою онтологическую позицию: «Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается при помощи разума и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле».¹⁵

Что касается отрицания чувственного мира, утверждения о его нереальности, то это надо понимать не буквально, в смысле простого отсутствия, небытия, а в ином смысле. Истинная реальность вечна, полна, совершенна, поэтому неподвижна. А все, что мы видим в чувственном мире временно, неполно, изменчиво, преходяще. Именно поэтому чувственные вещи и не являются истинной реальностью. То есть нереальность чувственного мира надо понимать *относительно*. Он нереален, не вполне реален *по сравнению* с истинным миром. Он, так сказать, «второсортен», но это не значит, что его просто нет.

В заключение хотелось бы выразить надежду, что конкретные науки ещё не раз на своём материале продемонстрируют нам возрождение платонизма как мировоззрения и методологии. Ибо верно замечено, что вся европейская философия – это несколько примечаний к Платону.

¹ Васильева Л. Н. Путь к Платону [Текст] / Васильева Л. Н. // Труды Профессорского Клуба. – 2004. - № 8 – 9. – С. 106 – 117.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лосев А. Ф. Критика платонизма у Аристотеля [Текст] // Лосев А. Ф. Миф – Число - Сущность. – М., 1994. - С. 553.

⁵ Васильева Л. Н. Путь к Платону [Текст] / Васильева Л. Н. // Труды Профессорского Клуба. – 2004. - № 8 – 9. – С. 106 – 117.

⁶ Лифшиц М. Об идеальном и реальном [Текст] / Лифшиц М. // Вопросы философии. – 1984 - № 10. - С. 123

⁷ Лифшиц М. Эстетика Гегеля [Текст] / Лифшиц М. // Эстетика Гегеля и современность. – М., 1984. - С. 30 – 31.

⁸ Там же, С. 45.

⁹ Там же, С. 26.

¹⁰ Лифшиц М. Об идеальном и реальном [Текст] / Лифшиц М. // Вопросы философии. – 1984 - № 10. - С. 128.

¹¹ Майр Э. Принципы зоологической систематики. [Текст] / Майр Э. – М., 1971. - С. 96.

¹² Любищев А. А. К логике систематики [Текст] // Любищев А. А. Проблемы эволюции. – Т. 2. – Новосибирск, 1972. - С. 54.

¹³ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. [Текст] / Татаркевич – М., 1991. - С. 310 – 313.

¹⁴ Любищев А. А. Линии Демокрита и Платона в истории культуры [Текст] / Любищев А. А. - СПб., 2000 - С. 139.

¹⁵ Платон Тимей [Текст] // Платон Собрание сочинений в 4 т. – Т. 3. - М., 1994. – С. 432.